

ДЛЯ ТОГО чтобы сразу отвести от себя асякие подозрения, с удовольствием цитируем О'Генри:

«Вы ведь не презираете денег?! — Я? Я убил бы того, кто выдумал бедность!».

Вот именно. Деньги нужны, а потому не нужно ханжества. И с этим вопросом все.

Но что бы вы сделали, дорогой читатель, если бы были директором театра и перед самым выездом на летние очень длительные и очень нелегкие гастроли к вам пришел бы опытный и непьющий машинист сцены и сказал бы: «Хочу рабстать только у вас!». Скорее всего вы бы его горячо обняли.

Примерно так и начались события, изложенные в письме главного художника Ставропольского краевого театра музкомедии Ивана Дмитриевича Арлачева. «Надо сказать, что на гастролях рабочие получают 90 процентов премиальных за сверхурочные работы и, кроме того, отдельно — за погрузку и разгрузку вагонов. Проработав месяц, наш машинист поставил условие: зачислите мою жену в монтажный цех. Мы все были уверены, что полноценно работать она не будет, но руководство пошло и на это...».

— Откуда же такая уверенность? — подумали мы. — Не предвзято ли судит Иван Дмитриевич? — И позвонили во Владимир, где в момент получения письма находился театр. (Сейчас он уже в Липецке). И после разговора с актером Виктором Васильевичем Харитоновым, заместителем секретаря партбюро, и бухгалтером Людмилой Максимовной Цукановой выяснились интересные подробности. Со старшим машинистом коллектив театра прекрасно был знаком и раньше. В прошлом году он бросил всех во время гастролей в Смоленске и отбыл. Год работы на стационаре не интересовал его ни с какой точки зрения, но лишь повеяло жарким воздухом гастролей — подъемными, проездными,

сверхурочными, вагонными, — он возник как ни в чем не бывало.

Говорят, коллектив возмущался. Говорят, протестовал. Но если записано, что нельзя уволить человека без согласия месткома, то нигде не записано, что нельзя против воли коллектива его принять. И директор — теперь уже бывший —

ли требовать, чтобы их уволили не по собственному желанию, а за прогул! Пятно в трудовой книжке им было ничто. А вот то, что при увольнении по собственному желанию им бухгалтерия не выплатила бы проездные, — это они точно знали, точно учитывали и вообще считали существенным.

ПИСЬМА В СЛУХ

Рвач на гастролях

принял. С такой радостной поспешностью, что даже от формальностей отмахнулся — не был составлен акт о принятии имущества, так что впоследствии и предъявить-то нашему герою ничего не смогли.

И пошло. Сначала: не буду грузить, если не зачислите мою жену монтажником. Речь, конечно, шла о фиктивной работе: может ли женщина, начинавшая в балете, перетаскивать на себе пудовые декорации? Потом, когда перевозили театральное имущество, машины попали под дождь, и все кричали: «Давайте брезент, декорации гибнут», наш герой сказал: «Я накрывать не буду, мне за это не платят», — на завтра ему объявили выговор.

— Ах, так? Мы уезжаем, — решили супруги. И вот тут наступает самое интересное, до чего обыкновенный нетренированный человек своим умом и дойти не может. А понаторевший в урывании лишнего куска — тот запросто. Супруги ста-

И. Д. Арлачев в письмо продолжает: «Выбрав такой день, когда шел сложный по монтажке спектакль, они не вышли на работу, поставив театр в тяжелое положение, грозившее срывом плана».

Когда мы звонили в театр, их там уже не застали — они отбыли.

«Какое, кроме морального презрения коллектива, они могут понести наказание?» — спрашивает автор письма. Отвечаем: никакого.

«Мало того, в частной беседе он сказал, что если захочет, то через суд получит еще и зарплату за оставшиеся два месяца гастролей, так как местком этот уход еще не разбирал и согласия не давал. Неужели это возможно?», — спрашивает нас Иван Дмитриевич.

Отвечаем: увы, возможно. Такие люди обычно знают формальности назубок и очень умело ими пользуются. Противопоставить им можно только такое же точное знание,

а главное, точное соблюдение всех формальностей.

Вот так. Человек знает, что он позарез нужен, что у него весь театр на плечах — в буквальном, физическом смысле, — вот и позволяет себе выкидывать любые номера. Такой случай, увы, не исключение (вспомним хотя бы сценку Марка Захарова, исполненную в телевизионном «Кабачке» паном Спортсменом. На все уговоры режиссера он, поразмыслив и прикинув что-то, отвечает: «Нет. Лес я ставить не буду. Вынесу чего-нибудь на сцену. Но целый лес — нет». И все грозитя накануне спектакля уехать в гости к дяде. Или в крайнем случае — к первой жене). Чувствуйте, мол, кто тут главный.

Но, бывает, позволяют себе и не «главные». Актеры, например, театра музкомедии — не Ставропольского, а другого — нам прислали письмо тоже с гастролей. И рассказывают, как и там актер, игравший Зупана в «Марице», вместо того чтобы по роли хвалиться многотысячным «свинством» и родовым помещением, выдал прямо в зал сведения о своих доходах, явно, на его взгляд, заниженных злым режиссером. Тоже способ!

Или вот еще — в большой концертной организации был конференсье, который совершенствовался в искусстве прямо на глазах. В искусстве вымогательства. В его гастрольных отчетах сначала появилась надбавка за самостоятельную погрузку и выгрузку реквизита (имелись в виду накладные усы, потребные в одной сценке), затем — за амортизацию этого реквизита, потом за то, что он без помощи рабочих переносит свой багаж (концертный фрак и бабочку), потом — за знание языка (выступая в Татарии, он в благодарность за зплотисменты говорил: «Спасибо! Рахмат!») и далее, далее, далее. В этом деле главное — войти во вкус.

Г. УЖОВА.